

Дорогой читатель!

Я так рада, что самый первый роман серии о Милых Магнолиях снова стал доступен. Его выход совпал с выходом одноименного сериала на Netflix с Джоанной Гарсиа Суишер, Брук Эллиотт и Хизер Хидли в главных ролях. Когда мне только пришла в голову идея о серии романов про трех лучших подруг, которые вместе прошли сквозь огонь и воду, я и понятия не имела, сколько женщин присоединится к ним за все эти годы и как читатели полюбят этот союз и всех жителей городка Серенити штата Южная Каролина. Надеюсь, зрители Netflix тоже их полюбят.

Для нас, женщин, друзья играют самую важную роль в жизни после семьи. И дружба, вынесшая испытание временем, с женщинами, которые знают нашу историю, наши ошибки, наши грязные секретки и все равно нас любят, — это самый мощный союз. Друзья поднимают нам настроение, когда у нас просто плохой день или проблемы колоссальных масштабов. С ними весело, они празднуют с нами, плачут с нами и напоминают, что даже самый дрянной день стоит того, чтобы его прожить.

Если вы только знакомитесь с Мэдди, Даной Сью и Хелен, надеюсь, вы полюбите их. Если вы уже знакомы, надеюсь, они заставят вас улыбнуться. Но больше всего я надеюсь, что в вашей жизни есть хорошие, добрые друзья и вы цените каждую минуту, проведенную с ними.

Всего хорошего.

Шеррил

Мэдди уставилась на поверхность стола из красного дерева, разделявшую ее и человека, за которым она была замужем вот уже двадцать лет. Половину жизни. Она и Уильям Генри Таунсенд начали встречаться еще в старшей школе городка Серенити, Южная Каролина. Они поженились на предпоследнем курсе колледжа, но не из-за того, что она забеременела, как некоторые из ее рано выскочивших замуж подруг, а потому что они хотели как можно скорее начать совместную жизнь.

После выпуска у Билла начались изнурительные годы медицинской школы, а Мэдди устроилась бухгалтером начального уровня, чтобы хоть как-то использовать свой диплом в сфере бизнеса и удержать семью на финансовом плаву. Обоих радовало долгожданное появление троих детей: спортсмена-экстраверта Тайлера, кото-

рому теперь было шестнадцать, шутника Кайла, четырнадцать лет, и посланной богом малышки Кэти, которой только что исполнилось шесть.

Они жили идеальной жизнью в фамильном доме Таунсендов, расположенном в старейшем районе Серенити, в окружении семьи и друзей. Страсть, которую они некогда делили, может быть, слегка угасла, но они были счастливы.

По крайней мере, так думала Мэдди, пока однажды, несколько месяцев назад, Билл не посмотрел на нее за ужином отрешенным взглядом незнакомца. Он спокойно объяснил, что съезжает от них, чтобы начать новую жизнь... с двадцатичетырехлетней медсестрой, которая к тому времени уже была от него беременна. По его словам, в жизни просто так случается. Он определенно не планировал разлюбить Мэдди и уж тем более влюбляться в кого-то еще.

Первой реакцией Мэдди не были страх или отчаяние. Нет, она рассмеялась, уверенная, что ее умный и нежный муж не был способен на такое жалкое клише. Однако отрешенное выражение не сходило с его лица, и она поняла, что Билл был предельно серьезен. Как только их жизнь потекла по комфортному руслу, мужчина, которого она любила всем сердцем, променял ее на молоденькую медсестру.

В полном оцепенении и не веря в происходящее, она сидела рядом с ним, пока он объяснял детям, что уходит и почему, опустив часть про их будущего брата или сестру. Затем, все также в оцепенении Мэдди наблюдала, как он собирал вещи.

Когда Билл ушел, ей пришлось мириться с агрессивными выходками Тайлера, медленно погружающимся в непривычную для него молчаливость Кайлом и расстроенным хныканьем Кэти, в то время как сама была полностью опустошена.

Она успокаивала их и после того, как они узнали о ребенке. Мэдди скрывала собственные обиду и злость в силу родительского долга, зрелости и спокойствия. Бывали дни, когда она проклинала доктора Филя и все те размеренные аргументированные передачи, в которых он советовал родителям ставить нужды детей на первое место. Когда же будут принимать во внимание ее нужды?

День, когда она станет матерью-одиночкой, приближался быстрее, чем Мэдди предполагала. Оставалось только прописать детали развода на бумаге и черным по белому обозначить окончание двадцати лет совместной жизни. В этих бумагах не упоминались разбитые мечты. В них не было ничего о боли, которую Билл оставлял после своего ухода. Все сводилось к тому, кто и где будет жить, кто на какой машине ездить, сколько детских и временных супружеских алиментов он будет выплачивать, пока она не встанет на ноги или повторно не выйдет замуж.

Мэдди слушала перепалку своего адвоката по поводу временности последнего пункта. Хелен Декейтер, знавшая Мэдди и Билла целую вечность, была первоклассным адвокатом по бракоразводным делам, известной во всем

штате. Она также была лучшей подругой Мэдди. И когда Мэдди была слишком уставшей и подавленной, чтобы бороться за свои права, Хелен брала все в свои руки и делала это за нее. Хелен была светловолосой акулой адвокатуры в деловом костюме, и Мэдди никогда не была ей более благодарной, чем сейчас.

— Эта женщина работала, чтобы помочь тебе окончить медицинскую школу! — Хелен набросилась на Билла, чувствуя себя в своей стихии. Игра велась на ее поле. — Она отказалась от перспективной карьеры, чтобы растить твоих детей, убирать твой дом, помогать в работе и поддерживать твое повышение в медицинском сообществе Южной Каролины. Слава о твоей репутации распространилась далеко за пределы Серенити только потому, что Мэдди работала на износ, чтобы тебе в этом помочь. А теперь ты ждешь, что она устроится на первую попавшуюся работу? Ты серьезно думаешь, что через пять или даже десять лет она сможет обеспечить твоим детям жизнь, к которой они привыкли? — Хелен пронзила Билла взглядом, которого было бы достаточно, чтобы испепелить любого другого человека. Он же своим поведением выражал абсолютное безразличие к Мэдди или ее будущему.

В этот момент Мэдди поняла, что между ними все было окончательно и бесповоротно кончено. Ни небрежное признание в измене, ни его переезд — ничто из этого не убедило ее в том, что их браку пришел конец. До сей ми-

нуты, пока она не увидела безразличный взгляд некогда теплых карих глаз мужа, Мэдди надеялась, что Билл вот-вот придет в чувства и скажет, что все это было ужасной ошибкой.

До этого она просто плыла по течению, проходя через стадию отрицания и боли, но не теперь. Злость, какую она никогда не испытывала в своей жизни, захлестнула ее с мощной силой и подняла на ноги.

— Хватит, — сказала Мэдди; ее голос дрожал от негодования. — Я тоже имею право голоса.

Хелен удивленно посмотрела на нее, но ошарашенный вид Билла придал ей храбрости продолжить. Он не ожидал, что она даст отпор. Теперь Мэдди видела, что все те годы, пока она пыталась удовлетворить Билла, ставя его интересы выше своих, убедили его в бесхребетности жены, в том, что ему будет легко уйти от семьи... *от нее*... без оглядки. Он наверняка ликовал с той самой минуты, как она предложила прийти к мирному соглашению, а не передавать установление условий их развода в руки судьи.

— Ты умудрился свести двадцать лет брака вот к этому. — Она помахала бумагами о разводе перед его носом. — И все ради чего?

Разумеется, она знала ответ. Как и многие другие мужчины среднего возраста, он заглядывался на девиц едва ли не вдвое младше него.

— Что будет, когда и Норин тебе надоест? — спросила она. — Тоже ее на кого-нибудь променяешь?

— Мэдди, — холодно сказал Билл. Он теревил рукава рубашки с вышитыми инициалами и запонками из восемнадцатикратного золота, которые она подарила ему всего шесть месяцев назад, на двадцатую годовщину свадьбы. — Ты ничего не знаешь о наших отношениях с Норин.

Она выдавила улыбку.

— Все я знаю. У тебя кризис среднего возраста, и ты снова хочешь почувствовать себя молодым. По-моему, ты просто жалок.

Слегка успокоившись, после того как дала волю чувствам, Мэдди повернулась к Хелен.

— Не могу больше здесь находиться. Делай все, как считаешь нужным. Это он торопится, а не я.

Расправив плечи и высоко подняв голову, Мэдди вышла из кабинета адвоката прочь, чтобы дальше жить своей жизнью.

Через час Мэдди сменила вязаный деловой костюм и каблуки на майку, шорты и поношенные кроссовки. Пытаясь забыть утреннюю перепалку, она прошла мимо до своего ненавистного спортзала, где весь воздух был пропитан запахом пота. Расположенный в переулке рядом с главной улицей зал некогда был магазинчиком дешевых товаров. Пожелтевший линолеум лежал здесь еще тогда, а грязные стены не видели ни слоя краски с тех пор, как Декстер купил это место еще в 1970-х.

Так как прогулка до центра города несколько ее не успокоила, Мэдди заставила себя взо-

браться на беговую дорожку и выставила самый трудный уровень, на котором никогда раньше не бегала. Она бежала до боли в ногах, пока ее профессионально мелированные короткие волосы не вымокли насквозь, а пот не начал заливаться в глаза, смешиваясь со слезами, которые предательски продолжали стекать по ее щекам.

Вдруг перед ней появилась чья-то рука с идеальным маникюром, которая замедлила беговую дорожку, а затем и вовсе выключила.

— Так и знала, что мы здесь тебя найдем, — сказала Хелен. Она все еще была в деловом костюме и туфлях на шпильках от Джимми Чу. Хелен, вероятно, была единственной женщиной на весь Серенити, у которой была пара дорогих туфель.

Рядом с ней стояла Дана Сью Салливан, одетая в удобные штаны, идеально чистую футболку и кроссовки. Она была шеф-поваром и владельцем самого шикарного ресторана в Серенити. Под «шикарным» подразумевается наличие льняных скатертей и салфеток, а также меню, в котором предложены не только жареные сомы и листовая капуста. «Новая южная кухня Салливан», как гласила вывеска в форме зелено-золотого листка, была улучшенной версией забегаловки на окраине города, на окне которой красовалась простая надпись «Вкусная еда», а на пластиковых столах лежали бумажные салфетки под приборы.

Хелен протянула Мэдди полотенце. Она, пошатываясь, сошла с беговой дорожки и вытерла лицо.

— Зачем вы сюда пришли?

Обе подруги закатили глаза.

— А ты как думаешь? — спросила Дана Сью, манерно растягивая слова. Ее густые каштановые волосы были собраны заколкой, но из-за влажности несколько прядей уже вырвались на свободу. — Мы пришли, чтобы проверить, нужна ли тебе помощь в убийстве этого мерзкого слизняка, что сбежал от тебя.

— Или безмозглой пигалицы, на которой он собирается жениться, — добавила Хелен. — Однако я, будучи юристом и все такое, несколько настороженно отношусь к убийству как к средству решения проблемы.

Дана Сью ткнула ее под ребра:

— Нечего теперь миндальничать. Ты сказала, мы сделаем *все что угодно*, если это поможет Мэдди почувствовать себя лучше.

Мэдди выдавила легкую усмешку.

— К счастью для вас обеих, мои фантазии о возмездии не сводятся к убийству.

— А к чему тогда? — удивленно спросила Дана Сью. — Лично я, после того как выпнула жалкую задницу Ронни из дома, хотела, чтобы его переехал поезд.

— Убийство — это слишком быстро, — сказала Мэдди. — К тому же у нас есть дети. Каким бы куском дерьма он ни был, Билл все еще их отец. Мне приходится напоминать себе об этом ежедневно, чтобы держать себя в руках.

— К счастью, Энни злилась на своего отца так же сильно, как и я, — сказала Дана Сью. —